

УДК 39 (=511:142)

Структурно-функциональные особенности погребального обряда сургутских ханты

Карчина Виктория Викторовна

Начальник Сургутского филиала,
Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок,
628011, Российская Федерация, Ханты-Мансийск, ул. Мира, 14а;
e-mail: lapsui@list.ru

Аннотация

В статье рассматриваются структурно-функциональные особенности погребального обряда с широким использованием национальной терминологии сургутских ханты. Выявлены отличия в обрядах между ханты, проживающими по рекам Большой и Малый Юган, Пим, Тром-Аган внутри локальной группы сургутских ханты. Статья написана по материалам полевых исследований этнокультурного региона рек Большой и Малый Юган, Пим, Тром-Аган. В настоящее время исследователи и сторонники возрождения традиционной хантыйской культуры придают особое значение выявлению, сохранению и реконструкции обрядовой стороны жизни народа. Известно, что традиционные нормы поведения людей в критические моменты их семейной и общественной жизни складывались веками в виде обрядовых действий. Иногда содержание и смысл многих обрядовых действий, верований и обычаев, с ними связанных, для науки остается сокрытым. Ведь многие обряды описаны носителями нехантыйского мировоззрения, и поэтому в них часто присутствуют элементы чужого миропонимания. Также сложность состоит в своеобразном соотношении сакрального и обыденного в обрядовой культуре ханты. А именно, мужская сфера деятельности сакральна по отношению к женской, и наоборот. Погребальный обряд ханты относится к тем немногим, где роль руководителя выполнения обряда принадлежит женщине. Ценность статьи заключается в том, что автором является женщина-ханты.

Для цитирования в научных исследованиях

Карчина В.В. Структурно-функциональные особенности погребального обряда сургутских ханты // Культура и цивилизация. 2017. Том 7. № 4А. С. 616-627.

Ключевые слова

Мировоззрение, погребальный обряд, сургутские ханты, полевые исследования, мир мертвых, похороны.

Введение

У каждого народа обряды и обычаи, проводимые в переходные периоды жизненного цикла человека, являются важными составляющими традиционной культуры, они относятся к сфере жизни, сокрытой от посторонних людей. Их исследование способствует формированию более глубокого и правильного представления о культуре и народе в целом. На протяжении жизни многих поколений вырабатываются целые системы определенных действий, предназначенных для защиты человека и предотвращения опасностей, преодоления испытаний, и, конечно же, контроля над событиями, связанными с людьми, принимающими в этом участие.

Особые обряды – это погребальный и родильный, и интерес к ним не случаен, поскольку именно в них человек «переходит» границу жизни.

По представлениям народа ханты, умершие люди не прекращают своего существования, а лишь переходят в иное состояние. Они продолжают жить в другом мире, где имеют те же потребности, что и живые.

Основная часть

А.С. Сопочина считает, что «жизнь после смерти продолжается в первом мире, и по представлению ханты, там жизнь идет наоборот: от старости к младенчеству. Что было левым, стало правым, что было сломано, там – цело. И всегда больно переходить из одного мира в другой. Рождаешься – больно не только матери, но и тебе. Только после рождения забываешь об этой боли, чтобы после смерти ты обязательно захотел родиться во втором мире. Умираешь тоже больно, но после смерти забываешь об этой боли, чтобы потом у тебя не было страха уходить в иной мир». [Песикова, 2006, 47]

Сургутские ханты об умершем в преклонном возрасте человеке говорят: «Сара пит. Сара мэн» (впереди появился, вперед ушел). В данной фразе зашифрован смысл отношения времени и пространства. Одним из видов этого отношения является переселение души от одного физического тела в другое. По-хантыйски это явление называют «нймсинтэп» (передача имени, передача названия). Люди часто узнают в своих детях умерших родственников. Это проявляется не только в схожести черт лица, походки, каких-то других физических особенностей, но и черт характера, духовных и нравственных установок, в

позиции отношения к жизни. [Там же]

В своей статье Т.А. Исаева, говоря о существовании духов умерших предков и их взаимоотношении с живыми, приводит схему, предложенную в работе Л. Леви-Брюля «Сверхъестественное в первобытном мышлении», где говорится следующее: «Мир покойников постоянно поддерживает постоянные сношения с миром живых. В этом смысле он составляет часть того, что мы называем природой. Почти во всех первобытных обществах к ним относятся так же, как к соседям, с которыми ни за что не хочется испортить отношения» (1994, с.471) Как можно думать, во многом эти отношения обусловлены точным исполнением погребального обряда. [Исаева, 1997, 123]

Похоронные обряды, как и родильные, совершаются в несколько этапов.

Предпогребальные обрядовые действия: подготовка тела умершего к похоронам, одевание, положение в гроб, ночное сидение у гроба покойного.

Погребальные обряды: вынос тела, дорога на кладбище, прощание с умершим у могилы, погребение гроба с телом в могилу, возвращение родных и близких обратно в дом умершего.

Поминки: после похорон.

«С точки зрения хантов, смерть – это разновидность сна, болезни или обморока с тем лишь отличием, что жизненная сила, покинув тело, более уже не возвращается» [Кулемзин, 1984, 128]

Человек в своей сущности бессмертен благодаря своим душам. Он умирает, исчезает из второго мира и появляется в первом мире; рождается, исчезает из первого мира – появляется во втором.

Нет единого мнения о сущности души или душ, их количестве и взаимосвязи. В понятии ханты мужчина имеет пять душ, а женщина – четыре. Самая главная душа – это «җил» (дыхание, жизненная энергия), которая после физической смерти человека отлетает в сферу действия Бога Неба. С бранным телом остается другая душа – «йәпәл» (тень). В эту душу могут вселяться духи, нечистая сила. Душа «йис» (плачь, скорбь, печаль) после смерти человека витает во втором мире, общается с родственниками через сон, ритуальные действия. В сферу действия богини Земли улетает душа «ўләп» (вид, образ, обличье). Душа «кәйңи» (комар) является сторожем жизни от потусторонних сил. [Песикова, 2006, 34]

Эти души человека отвечают за здоровье, силу и жизнеспособность.

Час смерти, как считалось у хантов, определен человеку небесным богом или духом Калтац.

В доме покойного сразу разжигают поминальный огонь в виде костра, керосиновой лампы, в настоящее время используют свечи. Огонь горит до дня похорон. На Югане, как указывают

полевые источники, огонь горит до тех пор, пока сам не потухнет, были случаи, когда лампа горела до года.

Обычай разводить огонь объяснялся по-разному: по одним данным, это делалось для отпугивания злых духов, охотившихся за вышедшей душой умершего, по другим – для обогрева вернувшейся души. Либо данный обычай объяснялся желанием сделать покойнику светло на том свете. [Кулемзин, 1984, 134]

Гроб «атэм йух» (плохое дерево) готовят утром, если человек скончался вечером предыдущего дня, и во второй половине дня – если человек преставился до обеда.

На дно гроба стелют шкуру оленя, либо на которой при жизни спал покойный, либо новую. В настоящее время за неимением шкуры стелют одеяло либо простыню, желательно из плотной ткани.

Голову вместе с лицом закрывают платком. Интересен факт протирания глаз покойника влажной стружкой у юганских ханты, а затем накладывания копеек.

Лицо открывают перед тем, как закрыть гроб, т.к. с момента похорон человек окончательно переходит в мир мертвых, и в новом для него мире он должен быть зрячим.

Данный обычай – закрывание лица или глаз – в народной традиции объясняется как способ защиты от вредоносных свойств усопшего, его изоляции от живых, как говорят ханты, чтобы умерший не «смотрел» обратно, на свою прожитую жизнь, чтобы он не сожалел, что ушел в мир иной, или оставил близких людей жить во втором мире.

С.А. Попова в своей книге «Обряды перехода в традиционной культуре манси» пишет, «В действительности этот обычай раскрывает представления об ином мире, как мире невидимом, мире тьмы. Под «слепотой» следует понимать не просто отсутствие зрения. Слеп человек по отношению к чему-либо. По отношению к умершему это может привести к переносу отношения мира живых на мир мертвых: живые не видят мертвых точно так же, как мертвые не видят живых. По мнению В.Я. Проппа, представление слепоты сродни тьме, и они могут заменять друг друга.

Здесь мы отмечаем, что тьма – один из признаков сакрального помещения. Закрывая лицо покойного, родственники имитируют его символическое ослепление и погружение во тьму. [Попова, 2003, 58]

Затем покойному одевают одежду, которую он носил, и все вязочки завязывают «плохим» узлом. Если его обрядить в новое, то его души в потустороннем мире не узнают своего хозяина. Также существует мнение, что новую одежду на том свете могут снять «маячки».

В чужие одежды тоже нельзя одевать, как отмечает А.С. Сопочина, его душа «йэпэл» по «ореолам» одежд может найти хозяина этих вещей и заразить его своим потусторонним полем.

[Песикова, 2006, 39]

Все вещи, в которые одевают покойного и те, что кладут в гроб и могилу, как уже было сказано, надрезают, надламывают, просверливают или прорезают дырочки, т.к. по поверьям ханты, все, что сломано в мире живых – в потустороннем мире цело. И еще говорят: та удача, то везение, которое было у покойного, может застрять в обуви, в рукавицах и т.д. и не сможет вырваться наружу, останется с покойником и будет закопано в могилу.

В гроб и могилку кладут: мужчине – топор, нож, котелок, одежду и обувь, кружку; женщине, так же – топор, нож, одежду и обувь, домашнюю и уличную, бисерные полосы с одежды, игольницу – все, чем она пользовалась при жизни.

Умершему вдоль тела протягивают нить светлых тонов, которую потом сматывают и передают правопреемнику покойного на хранение. Ханты реки Пим данную нить используют для измерения роста умершего при изготовлении гроба. Рядом, со стороны живых людей, кладут нож без ножен лезвием к покойнику. Также нож используют и на поминках. В данном случае нож символизирует не только разделитель живых и мертвых, но и сторожит мир живых людей от потусторонних сил.

Слева от покойного, у его лица, углем рисуют, по одним данным пол луны и пол солнца, по другим данным – целые луна и солнце. Если человек был охотником, то ниже рисунка луны и солнца ножом выскребают столько глубоких выемок, сколько он добыл медведей за свою жизнь. Чем больше медведей он добыл, тем больше будет у его душ защитников в сфере Неба и Земли и во втором мире от негативных сил. Такие же выемки делают и на кресте, который ставят на могилке.

Если человек умер летом, его хоронят на следующий день. Если в зимнее время, то зависит от пола, если мужчина, то на пятые сутки, а если женщина – на четвертые. Родственники совершают «ымлэп» – сидят у гроба и спят по очереди или, как их называют «атэм атэт омэста» – т.е. «плохие дни сидят».

Информанты сообщили, что пока умерший находится дома, ни в коем случае нельзя проявлять сожаление, плакать и причитать. Иначе умерший из жалости к тому, кто сильно скорбит и тоскует, может забрать его с собой. Конечно, умершего оплакивают, но делают это сдержанно.

Душам покойного лишь тогда хорошо, когда звучат рассказы о жизни покойного, о его благородных поступках, а также бытовые рассказы из жизни других родственников. И души усопшего тоже спокойны: значит у оставленных им во втором мире родственников все хорошо. Нельзя сидеть молча, считается, что в мире живых должен молчать мертвый, а живые должны разговаривать.

В эти дни «атэм атэт-җәтлјәтнә» (плохие дни и ночи) все виды деятельности запрещены, как например, стирать, делать уборку, расчесывать волосы, выливать грязную воду, кроме таких необходимых работ, как хлопоты по похоронам и некоторая работа по дому. Только после выноса гроба с телом умершего, моют полы, выливают грязную воду, заносят дрова.

Запрещается проводить приношения и жертвоприношения богам. Запрещается в доме покойного здороваться и прощаться. Нельзя охотиться и рыбачить.

На Пиму, в отличие от юганских ханты, прежде чем покойника увезти на кладбище, присутствующие устраивают обряд «пырип», опрос усопшего. Его спрашивает старший по возрасту человек, о чем сожалеет покойный, какой обряд желает, чтобы провели живые после его похорон, где его похоронить. Если есть олени, каких он хочет взять с собой, каких кому желает оставить. То есть, те вопросы, которые касаются отношения усопшего к живым родственникам. Чтобы узнать ответ покойника, спрашивающий или другой человек после каждого заданного вопроса поднимает конец гроба с покойником. Ответы «да» или «нет» определяются по тяжести гроба.

В погребальном обряде гадание выступает как средство получения информации о причинах смерти, о целесообразности или нецелесообразности предпринимаемых родственниками действий, оно снижает степень неопределенности при принятии тех или иных решений.

Хоронят на своем родовом кладбище. По этнографическим данным известно, что кладбище устраивают по отношению к поселению ниже по течению реки.

Прибыв на кладбище, в первую очередь разводят костер.

Яму копают далекие родственники глубиной 1 метр или чуть больше. Родственникам нельзя изготавливать гроб и копать яму. Прежде могилы выкапывались неглубоко, до полуметра, т.е. настолько, насколько позволяла мерзлота. В настоящее время, глядя на русских, стали копать могилы в рост человека. [Бахлыков, 1996, 119]

Многие исследователи упоминают использование бересты при похоронах. Но при опросе местных жителей выяснилось, что в бересту заворачивали в крайних случаях. Раньше от смертельных болезней люди умирали целыми селениями, поэтому их хоронили, заворачивая в бересту. Иногда прикрывают берестой могилку, в настоящее время чаще используют рубероид. Использование бересты информанты объясняют ее способностью не пропускать влагу.

Хоронят головой на юг, юго-восток, или восток. Ориентируются по течению ближайшей реки, считают, куда вода течет, там юг, в ту сторону и кладут головой покойника.

На дно ямы поперек кладут подпорки и на них опускают гроб. Вещи покойного, которые не вошли в гроб, кладут на гроб, затем каждый из присутствующих бросает горсть земли в

могильную яму. Могилу закапывают и ровняют с основной поверхностью. Над ней сверху ставят домик из досок. В этот домик могут класть вещи, которыми человек пользовался при жизни, но обязательно, как говорилось, в поломанном виде. На фасаде домика, у головы усопшего, делают маленькое окошечко для тех душ, которые могут захотеть посетить покойного, а также для душ самого покойника.

Если есть олени, то у северного или у восточного края могилы их забивают и разделывают. Шкуры развешивают рядом с могилой на северной или восточной стороне. Мясо и головы оленей забирают с собой. [Песикова, 2006, 42]

После всех этих действий сразу же приступают к поминкам. При поминках считают количество выпитых кружек с чаем: мужчины выпивают пять кружек чая, а женщины – четыре.

Из костра берут тлеющую палку, кладут ее в сторону стойбища со словами «Безногий, ты иди раньше нас» и перешагивают через нее. Собирают лопаты, топоры, пилу, свою посуду, оставшиеся продукты и грузят на транспорт. Постукивая концом топорика о могильный домик, прощаются с покойным. Садятся в транспорт и по своему же следу возвращаются в таком же порядке, в каком въехали на кладбище.

Самый старший уходит последним с кладбища обязательно кладет веточки хвойного дерева крест-накрест либо устанавливает деревца крест-накрест, тем самым отмечая границу двух миров и отрезая отрицательным силам потустороннего мира путь в мир живых людей.

Для большей уверенности, что к людям ничего отрицательного не прицепилось, делают следующий обряд: разжигают большую тряпку, кладут посередине дороги и переезжают ее. Подъезжая к дому, участники похорон готовятся еще к одному обряду. Тот, кто оставался дома, с помощью горящих углей готовит дым из пихтовой коры. Все прошедшее через такой дым считается окончательно очищенным от соприкосновения с потусторонним миром. [Там же, 43]

К очистительным обрядам относится обязательное мытье рук при входе в дом.

Только после этого проводят поминки. Существует два обряда проведения поминок: с посещением могилы, и без посещения могилы, но в том месте, которое было знакомо покойному. В незнакомом покойному месте справлять поминки нельзя.

Во всех поминальных обрядах присутствует пища и костер. Ведь Огонь во всех сферах, во всех мирах является источником энергии. Через его поле проявляется общая сущность всех вещей и явлений во всех мирах.

Заваривают чай, выставляют яства. Тром-аганские ханты едят пищу сами и кладут покойнику через руку. Пимские ханты продукты покойнику не кладут, т.е. они все съедают сами, только обязательно на поминальном столике оставляют какую-то часть продуктов и

говорят: «Мы закончили. То, что тебе понравилось, ты возьми, но оставь и нам немножко».

Оставшиеся от поминок продукты уносят домой и в тот же день стараются съесть. В несъеденные продукты на ночь кладут уголь, в противном случае эти продукты на следующий день в пищу непригодны. Даже собакам нельзя давать. Их уносят в лес и аккуратно раскладывают на чистом месте, т.е. там, где люди не ходят.

Траур по умершему носят до последующей весны, до перелетных птиц. Сразу после похорон у кровных близких родственников перевязывают ниткой щиколотки правых ног. Во многих случаях жена, мать, дочь покойного в знак траура переплетают ниткой пальцы правых рук. Такие нити носят до тех пор, пока сами не перетрутся.

Мои полевые материалы подтверждают существование и других обрядов у юганских ханты: близкие родственники перевязывают вокруг головы белую тряпочку шириной примерно 2 пальца, пока птицы не улетят (или не прилетят). После этого ее стирают и уносят туда, где деревья повалены, привязывают на низкое дерево со стороны захода солнца.

До прилета или отлета перелетных птиц семья покойного в знак траура не делает приношения и жертвоприношения. Члены семьи не имеют права работать с бисером и бусами. На Пиму при необходимости мужчинам можно привязать бусинку на топор или пилу, только потом работать.

Нельзя копать землю или работать с землей до прилета птиц, считается, что, трогая землю, живые тревожат умершего.

Но все начатые покойным дела живые обязаны закончить. Например, достроить дом, доделать лодку-долбленку, мордушку, дошить одежду и т.д.

На Пиму, в отличие от юганских ханты, после смерти человека его «душе» могут оставить дом «җот луми» (негодный, ненужный дом), в котором он провел большую часть своей жизни. Раньше, если не было дома, то к могилке складывали половину чума, чтоб он там жил. Если дом необходим живым, то оставляют пол вместе с фундаментом, а все остальное увозят и ставят этот дом на новом месте. Если есть где жить, то могут оставить покойному целое стойбище.

По поверью пимских ханты, душа покойного время от времени навещает свои знакомые места, свой родной очаг. По этой причине сургутские ханты даже не ночуют в оставленных стойбищах, вовнутрь таких домов стараются не заходить.

Поминают усопших: мужчин – пять лет, женщин – четыре года. За эти годы имени умершего родственника стараются не называть. Ведь покойного беспокоить нельзя. Обычно имя заменяют оборотом «Айләхот» или «Җуйот» (невезучий) – это об отце, мужчине. Или «Ныҗот» – это о матери. Есть слово «вутьҗи», равнозначное слову «покойник», но гораздо почтительнее, чем русское слово.

После смерти часть души-тени сохраняет связь со своим телом и существует в течение определенного времени, как считается, до 4-5 лет в зависимости от пола, а затем постепенно исчезает, превращаясь по поверьям обских угров в жука. Поэтому поминальные обряды проводились только в течение 4-5 лет после смерти близкого человека, после этого его могилу старались не беспокоить. [Волдина, 2016, 88]

Считалось, что он сам может попросить поминок, например, приснившись во сне. Если приснился во сне – «пришел что-то просить», в дни траура, то покупают 1 метр черной ткани, шьют «сӓб», приносят на могилку.

По хантыйским обычаям: если человек был похоронен однажды, дважды хоронить нельзя. Это не страх перед потусторонним миром, а убеждение, что от перемещения и перемешивания понятий, явлений, вещей из разных миров получится Космический хаос, который будет угрожать существованию всего Мироздания.

По мировоззрению сургутских ханты, потусторонний мир мертвых является частью сферы влияния Земли, т.е. частью первого мира, в систему которого входят другие части: мир бога Болезни (Ѕынь Ики); женское возрождающее начало, которое курирует богиня Калтац (Кӓлтас Най Аңки); земная твердь второго мира и слой под ней: норы, пещеры, ямы, ущелья; водоемы и все, что находится в них; сонм духов и нечистой силы. Все они общаются друг с другом, контактируют с иными силами.

Сургутские ханты мир мертвых не считают антагонистом миру живых. Это части двух разных миров, которые постоянно находятся в связи, в контакте. Они в той или иной степени влияют друг на друга.

Эти обряды отражают древние представления об особой активности негативных сил в переломные моменты человеческой жизни.

Заключение

Изложенный материал показывает, что даже в одной группе ханты традиционный погребальный обряд производится не совсем одинаково и сохранился не в одинаковой степени. Изучение его позволяет восстановить наиболее древние черты: захоронение, укрывание лица покойного, гадание, обряжение, предохранительные меры, очистительные обряды и другие.

Таким образом, изучение структурно-функциональных особенностей похоронного обряда и лексики хантыйского языка, связанной с обрядом помогает раскрыть историю формирования обрядовой практики, ее связь с обрядовой лексикой, историей и менталитетом этноса.

Библиография

1. Бахлыков П.С. Юганские ханты: история, быт и культура: Краткое историческое повествование о ханты Сургутского района. Тюмень: СофтДизайн, 1996. 208 с.
2. Волдина Т.В. «Долгой жизни вековечный танец»: реинкарнация в контексте мифоритуальных традиций обских угров. Тюмень: ФОРМАТ, 2016. 206 с.
3. Исаева Т.А. Погребальный обряд восточных хантов: особенности взаимоотношений с духами предков (полевые исследования этнокультурного региона р. Пим) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 1997. №1. С.123-126.
4. Кулемзин В.М. Человек и природа в верованиях хантов. Томск, 1984. 10 с.
5. Песикова А.С. Взгляд изнутри культуры. Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2006. 98 с.
6. Попова С.А. Обряды перехода в традиционной культуре манси. Томск, 2003. 180 с.

Полевые материалы автора:

7. Русскина Альбина Григорьевна, 1951 г. р., проживает на стойбище на р. Лимпасэң, Сургутский р-н.
8. Ермакова Татьяна Ефимовна, 1959 г.р., проживает на стойбище, Сургутский р-н.
9. Кнезьянова Людмила Антоновна, 1960 г.р., проживает на стойбище на р. Пэчэньуш Рэп, сургутский район.
10. Бисаркина Анна Николаевна, 1932 г.р., проживает в п. Угут, Сургутского р-на, р. Большой Юган.
11. Нимперов Дмитрий Данилович, 1955 г.р., проживает на стойбище на р. Лопасэң Явэн, Сургутский р-н.
12. Колыванова Ольга Ивановна, 1950 г.р., проживает в г. Лянторе, Сургутского р-на.

Structural and functional features of the burial rite of the Surgut Khanty

Viktoriya V. Karchina

Head of the Surgut Branch,

Ob-Ugric Institute of Applied Research and Development,

628011, 14a, Mira str., Khanty-Mansiysk, Russian Federation;

e-mail: lapsui@list.ru

Abstract

The article deals with the structural and functional features of the funeral rite with the wide use of the national terminology of the Surgut Khanty. Differences in rituals between the Khanty, living along the rivers Bolshoy and Malyi Yugan, Pim, Trom-Agan within the local group of the Surgut Khanty were revealed. The article is written on the basis of field research data of the ethno-cultural region of the rivers Bolshoye and Malyi Yugan, Pim, Trom-Agan. Researchers and supporters of the revival of the traditional Khanty culture attach special importance to the identification, preservation and reconstruction of the ritual side of the life of the people. It is known that the traditional norms of people's behavior at critical moments of their family and social life evolved in the form of ritual actions. Sometimes the content and meaning of many ceremonial actions, beliefs and customs associated with them, for science remains hidden. After all, many rituals are described by the bearers of the non-Chinese world view, and therefore elements of another's world outlook are often present in them. Also, the difficulty lies in the peculiar relationship between the sacred and the ordinary in the ritual culture of the Khanty. Namely, the male sphere of activity is sacred in relation to the female and vice versa. The funeral rite of the Khanty refers to the few where the role of the leader of the ritual execution belongs to the woman. The value of the article is that the author is a Khanty woman.

For citation

Karchina V.V. (2017) Strukturno-funksional'nye osobennosti pogrebal'nogo obryada surgutskikh Khanty [Structural and functional features of the burial rite of the Surgut Khanty]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 7 (4A), pp. 616-627.

Keywords

World outlook, funeral rite, Surgut Khanty, field studies, the world of the dead, funeral.

References

1. Bakhlykov P.S. (1996) *Yuganskie khanty: istoriya, byt i kul'tura: Kratkoe istoricheskoe povestvovanie o khanty Surgutskogo raiona* [Yuganskie Khanty: history, way of life and culture: A short historical narrative about the Khanty of the Surgut region]. Tyumen: SoftDizain Publ.
2. Isaeva T.A. (1997) Pogrebal'nyi obryad vostochnykh khantov: osobennosti vzaimootnoshenii s dukhami predkov (polevye issledovaniya etnokul'turnogo regiona r. Pim) [Funeral rite of the eastern Khanty: peculiarities of relationships with the spirits of ancestors (field studies of the ethno-cultural region of the Pym River)]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography], 1, pp. 123-126.

3. Kulemzin V.M. (1984) *Chelovek i priroda v verovaniyakh khantov* [Man and nature in the beliefs of the Khants]. Tomsk.
4. Pesikova A.S. (2006) *Vzglyad iznutri kul'tury* [A look from within the culture]. Khanty-Mansiisk: Poligrafist Publ.
5. Popova S.A. (2003) *Obryady perekhoda v traditsionnoi kul'ture mansi* [Rites of transition in traditional Mansi culture]. Tomsk.
6. Voldina T.V. (2016) «*Dolgoi zhizni vekovechnyi tanets*»: *reinkarnatsiya v kontekste miforitual'nykh traditsii obskikh ugrov* ["Long life eternal dance": reincarnation in the context of mythological traditions of the Ob Ugrians]. Tyumen: FORMAT Publ.

Field materials of the author:

7. Ruskina Albina GrIgor'yevna, born in 1951, lives in a settlement on the river. Limpas, Surgut borough.
8. Ermakova Tat'yana Efimovna, born in 1959, lives in a settlement, Surgut district.
9. Knezyanova Lyudmila Antonovna, born in 1960, lives in a settlement on the river. Пэчэньуш Рэп, Surgutsky district.
10. Bisarkina Anna Nikolaevna, born in 1932, lives in the village of Ugut, Surgut district, the river. Great Yugan.
11. Nimperov Dmitry Danilovich, born in 1955, lives in a settlement on the river. Лопасэҥ Явэҥ, Surgutsky borough.
12. Ol'ga Ivanovna Kolyvanova, born in 1950, lives in Lyantor, Surgut district.